

СЕРГЕЙ
ЛУКЬЯНЕНКО

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВ

СЕРГЕЙ
ЛУКЬЯНЕНКО

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВ

ДНЕВНОЙ
ДОЗОР

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л84

Серия «Книги Сергея Лукьяненко»

Серийное оформление *Е. Фerez*

Художник *С. Неживясов*

Компьютерный дизайн *В. Половцева*

Лукьяненко, Сергей Васильевич.

Л84 Дневной Дозор : [фантастический роман] / Сергей Лукьяненко, Владимир Васильев. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 384 с. — (Книги Сергея Лукьяненко).

ISBN 978-5-17-107757-0

«Ночные охотники» городских улиц. Вампиры и оборотни, колдуны и ведьмаки. Те, что живут в часы, когда опускается на землю мгла. Те, что веками противостоят силам белых магов. Потому что понимают — равновесие должно быть соблюдено. Потому что понимают — Тьма для этого мира не менее важна, чем Свет. Вы уже знаете историю Ночного Дозора? послушайте теперь историю Дозора Дневного. послушайте — вам расскажут о себе проклятые и проклинаемые. Тогда, возможно, вы поймете — не так все просто в вечной войне Добра и Зла...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-107757-0

© С.В. Лукьяненко, В.Н. Васильев, 1998
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Данный текст запрещен к распространению
как порочащий дело Света.

Ночной Дозор

Данный текст запрещен к распространению
как порочащий дело Тьмы.

Дневной Дозор

Любые совпадения имен, названий и событий
являются случайными и не имеют никаких аналогий
с человеческой действительностью.

Часть первая

ПОСТОРОННИМ
ВХОД РАЗРЕШЕН

ПРОЛОГ

Подъезд не внушал уважения. Кодовый замок сломан и не работает, под ногами — растоптанные окурки дешевых сигарет. Лифт исписан безграмотными граффити, где слово «Спартак» встречается с той же частотой, как нецензурная брань; кнопки прожжены сигаретами и заботливо залеплены окаменевшей жвачкой.

И дверь в квартиру на четвертом этаже оказалась под стать подъезду: какой-то убогий, советских еще времен дермати́н, дешевые алюминиевые накладные цифры, едва держащиеся на косо вкрученных шурупах.

Наташа на мгновение замешкалась, прежде чем нажать кнопку звонка. Нелепо было на что-то надеяться, приходя сюда. Уж если сдурела до такой степени, что решила прибегнуть к магии — то открой газету, включи телевизор, послушай радио. Серьезные салоны, опытные экстрасенсы с международными дипломами... Все равно — надувательство, понятное дело. Но по крайней мере вокруг будет приятная обстановка, серьезные люди... а не этот приют неудачников.

Она все-таки позвонила. Жалко было времени, затраченного на дорогу.

Несколько минут казалось, что квартира пуста. Потом послышались торопливые шаги — характерные шаги спешащего человека, у которого с ног сваливаются разношенные тапочки. На миг потемнел дешевый крошечный глазок, потом лязгну́л замок, и дверь распахнулась.

— Ой, Наташа? Входи, входи...

Ей никогда не нравились люди, мгновенно переходящие на «ты». Нет, она и сама предпочитала такое обращение, но хотя бы для порядка спросить разрешение нужно?

А открывшая дверь женщина уже втягивала ее внутрь, бесцеремонно схватив за руку, при этом с выражением такого искреннего гостеприимства на немолодом, ярко накрашенном лице, что и возражать сил не было.

— Мне подруга сказала, что вы... — начала Наташа.

— Да, знаю, знаю, милая, — замахала руками хозяйка. — Ой, да ты не разуйся, я как раз убираться собиралась... или нет, сейчас тапочки поищу.

Наташа, с трудом скрывая безразличие, огляделась.

Не то чтобы маленькая, но чудовищно захламленная прихожая. Лампочка под потолком — тусклая, дай Бог, если тридцать ватт, но и это не скрывает общее убожество. На вешалке — горы одежды, даже зимняя шуба из ондатры на радость моли. Отстающий от пола линолеум — невнятного серого цвета. Давно, наверное, хозяйка собирается провести уборку.

— Тебя Наташа зовут, дочка? А меня Даша.

Даша была старше ее лет на пятнадцать-двадцать. Как минимум. В матери Наташе она действительно годилась, только от такой матери удавиться захочется... Пухлая, с немытыми тусклыми волосами, с ярким, но облезлым лаком на ногтях, в застиранном халате, разваливающихся тапочках на босу ногу. На ногах ногти тоже поблескивали лаком — ну что за вульгарность, Господи!

— Вы — ворожея? — спросила Наташа. И мысленно крикнула: «А я — дура!»

Даша закивала. Нагнулась, извлекая из сваленной в беспорядке горы обуви резиновые тапочки. Самые идиотские из придуманных человечеством — с множеством торчащих вовнутрь резиновых штырьков. Мечта йога. Часть этих резиновых гвоздей давно отвалилась, что, впрочем, комфорта не прибавляло.

— Обувайся! — радостно предложила Даша.

Словно загипнотизированная, Наташа скинула босоножки и надела тапочки. Прощайте, колготки. Наверняка будет пара затяжек. Пусть и хваленые «Омса» с хваленой лайкрой. Все в мире — надувательство, придуманное хитрыми дураками. А умные люди почему-то ему поддаются.

— Да, ворожея, — бдительно контролируя процесс обувания, сообщила Даша. — Это у меня от бабушки. И от

мамы. Все они ворожеями были, все людям помогали, семейное это у нас... Пойдемте на кухню, Наташа, у меня в комнатах неубрано...

Проклиная себя мысленно в очередной раз, Наташа пошла за хозяйкой. Кухня ее ожидания оправдала. Гора грязной посуды в раковине, грязноватый стол, с которого при их появлении лениво сполз куда-то под столешницу таракан. Липкий пол. Окна, конечно же, невымытые по весне, плафон засижен мухами.

— Садись. — Даша ловко извлекла из-под стола табуретку, придвинула к почетному месту — между столом и холодильником, конвульсивно подергивающимся «Саратовом».

— Спасибо, я постою. — Наташа твердо решила не садиться. Табуретка внушала ей еще меньше доверия, чем стол или пол. — Даша... Дарья?

— Дарья.

— Дарья, я, собственно говоря, только хотела узнать...

Женщина пожалала плечами. Щелкнула кнопкой электрического чайника — пожалуй, единственной вещи на кухне, что не выглядела подобранной на помойке. Посмотрела на Наташу.

— Узнать? А что узнавать-то, милая. И так все видно, как на духу...

На миг Наташу охватило неприятное, томительное ощущение, будто на кухне не хватает света. Все посерело, стих болезненный ропот холодильника, шум машин на недалеком проспекте. Она отерла лоб, покрывшийся ледяной испариной. Это все жара. Лето, жара, долгая поездка в метро, давка в троллейбусе... Ну почему не взяла такси? Отослала водителя с машиной — ладно, стыдно было даже намеком показать, куда и зачем она собралась... Но такси-то почему не взяла?

— Муж у тебя ушел, Наташенька, — ласково сказала Дарья. — Две недели назад. Враз ушел, собрался, вещички в чемодан покидал и ушел. Без ссор, без споров. Квартиру оставил, машину оставил. Ушел к разлучнице, стерве чернобровый, молоденькой... да и ты ж не старая, доченька.

На этот раз Наташа на «доченьку» даже не отреагировала. Отчаянно вспоминала, что она говорила подруге, а что нет. О «чернобровости» — вроде бы нет. Хотя она и впрямь смуглая, черноволосая... Наташу вновь охватило безумное, слепящее бешенство.

— И почему ушел, знаю, Наташенька... Уж извини, что дочкой тебя называю, ты женщина сильная, привыкла своим умом жить, да вы для меня все как дочки родные... Детишек у вас не было, Наташенька. Верно?

— Верно, — прошептала Наташа.

— Что ж так, милая? — Ворожея укоризненно покачала головой. — Дочку он хочет, да?

— Дочку...

— Ну и родила бы, — пожала плечами Дарья. — У меня, вон, пятеро. Двое по военной части пошли, старшенькие. Одна дочка замужем, дите нянчит, другая учится. Да еще младший, шалопай... — Она взмахнула рукой. — Да ты садись, садись...

Наташа неохотно опустила на табуретку, крепко сжимая на коленях сумочку. Сказала, пытаюсь перехватить инициативу:

— Жизнь так сложилась. Ну, родила бы я ему ребенка, нельзя же карьеру из-за этого рушить.

— Тоже правильно. — Ворожея спорить не стала. Потерла лицо ладонями. — Воля твоя... Ну что, вернуть его хочешь? Он ведь почему ушел? Разлучница уже понесла от него... да ведь и сил приложила немало. И выслушать, и пожалеть, и в постели что-нибудь такое вытворить... Мужик у тебя хороший был, такого каждая заполучить норovit. Хочешь вернуть? Все равно хочешь?

Наташа сжала губы.

— Да.

Ворожея вздохнула.

— Можно и вернуть... можно.

Ее тон вдруг неуловимо изменился, сделался тяжелым, давящим:

— Только ведь трудно будет. Вернуть — несложно, удержать труднее!

— Все равно хочу.

— В каждой из нас, доченька, своя магия есть. — Дарья перегнулась через стол. Глаза ее будто сверлили Наташу. — Простая, исконная, женская. Ты со своими амбициями совсем ее позабыла, а зря! Ничего. Помогу тебе. Только делать все в три этапа придется.

Она легонько стукнула кулаком по столу.

— Первое. Дам я тебе приворот. Это грех небольшой... Приворот муженька в доме вернет. Вернуть — вернет, но удержать не удержит.

Наташа неуверенно кивнула. Деление ворожбы на «три этапа» казалось чем-то неуместным — особенно от этой женщины и в этой квартире...

— Второе... Дите у разлучницы родиться не должно. Если родится — ты своего муженька не удержишь. Придется большой грех творить, невинный плод травить...

— Да что вы такое говорите! — Наташа вздрогнула. — Я под суд идти не собираюсь!

— Речь не об отраве, Наташенька. Я ладонями-то разве-ду, — ворожея и впрямь развела руки, — а потом как хлопну... Вот и весь труд, вот и весь грех. Какой суд?

Наташа молчала.

— Только этот грех я на себя брать не хочу. — Дарья истово перекрестилась. — Если хочешь — помогу, но тогда ты перед Богом отвечать будешь!

Видимо, истолковав молчание как согласие, она продолжила:

— Третье... Сама дите родишь. Тоже помогу. Будет дочка, красавица да умница, тебе помощница, мужу радость. Тогда все твои беды и кончатся.

— Вы это серьезно говорите? — тихо спросила Наташа. — Вы все это...

— Я вот что тебе скажу. — Дарья встала. — Скажешь «да» — все так и будет. Завтра муж твой вернется, а послезавтра разлучница нагулянное выкинет. И денег я с тебя не возьму, пока сама не понесешь. Но потом возьму — и много, это сразу говорю, Христом-Богом клянусь.

Наташа криво улыбнулась.

— А если обману, не принесу денег? Все ведь уже сделано будет...

Она осеклась. Ворожея молча и строго смотрела на нее. С легким сочувствием, как мать на несмышленную дочку...

— Не обманешь, Наташенька. Сама подумай, и поймешь, что не стоит обманывать.

Наташа сглотнула вставший в горле ком. Попыталась пошутить:

— Значит, оплата по факту?

— Бизнесменка ты моя, — с иронией сказала Дарья. — Кто ж тебя такую полюбит, деловую да умную? В бабе всегда дурость должна быть... эх... По факту. По трем фактам.

— Сколько?

— Пять.

— Чего пять? — начала Наташа и осеклась. — Я думала, это стоит гораздо дешевле!

— Хочешь мужа вернуть — будет дешевле. Только пройдет срок, и снова уйдет. А я тебе настоящую помощь предлагаю, верное средство.

— Хочу. — Наташа кивнула. Ее охватило ощущение легкой нереальности происходящего. Значит — хлопок в ладоши, и не будет нерожденного еще ребенка? Хлоп другой — и она родит своему любимому идиоту дочку?

— Берешь на себя грех? — требовательно спросила ворожея.

— Какой там грех, — с прорвавшимся раздражением отозвалась Наташа. — Да этот грех каждая женщина хоть раз, да делала! Там, может, и нет совсем ничего!

Ворожея задумалась, будто вслушиваясь во что-то. Покачала головой:

— Есть... Кажется, и верно — дочка.

— Беру, — с прорвавшимся раздражением отозвалась Наташа. — Все грехи на себя беру — какие хочешь. Мы договорились?

Ворожея посмотрела строго и неодобрительно:

— Так нельзя, дочка... Про все-то грехи. Мало ли что я на тебя навешу? И свое, и чужое... будешь потом перед Богом отвечать.

— Разберемся.

Дарья вздохнула:

— Ох, молодые... глупые. Да есть ему дело — в грехах человеческих копать? Каждый грех свой след оставляет, по следам и суд идет... Ладно, не бойся. Чужого тебе не припишу.

— Я и не боюсь.

Ворожея уже будто и не слушала ее. Сидела, настороженно вслушиваясь во что-то. Потом пожалала плечами:

— Ладно... Давай дело делать. Руку!

Наташа неуверенно протянула правую руку, с тревогой следя за дорогим бриллиантовым кольцом. Хоть и туго слезает с пальца, но...

— Ой!

Ворожея уколола ее в мизинец так быстро и ловко, что Наташа даже ничего не почувствовала. Застыла в ошолоблении, глядя на набухающую красную каплю. Дарья как ни в чем не бывало бросила в невытую тарелку с застывшими остатками борща крошечную медицинскую иглу — плос-

кую, с остреньким жалом. Такими берут кровь в лабораториях.

— Не бойся, у меня все стерильно, иглы одноразовые.

— Да что вы себе позволяете! — Наташа попыталась было отдернуть руку, но Дарья перехватила ее неожиданно сильным и точным движением.

— Стой, глупая! Снова колоть придется!

Из кармана она достала аптечный пузырек темно-коричневого стекла. Этикетка была отмыта, но плохо: даже угадывались первые буквы: «На...» Ловко открутила пробку, подставила пузырек под Наташин мизинец, встряхнула. Капля сорвалась внутрь пузырька.

— Некоторые считают, — удовлетворенно произнесла ворожея, — что чем больше крови в привороте — тем сильнее он будет. Неправда. Кровь необходима качественно, но совершенно не важна количественно...

Ведунья открыла холодильник. Достала пятидесятиграммовую бутылочку водки «Привет». Наташа вспомнила, что ее шофер как-то называл такие «реаниматорами»...

Несколько капель водки ушло на клочок ватки, которой Наташа послушно залепила палец. Бутылочку ведунья протянула Наташе.

— Будешь?

Почему-то Наташе живо представилось пробуждение завтра утром — где-нибудь на другом конце города, обобранной, изнасилованной и ничего не помнящей о происшедшем. Она замотала головой.

— Ну, я выпью. — Дарья поднесла «реаниматор» ко рту и одним глотком всосала водку. — Так оно лучше... работается. А ты... ты зря меня боишься. Не разбоем живу.

Несколько оставшихся в бутылке капель тоже ушли в пузырек с приворотным зельем. Потом, не стесняясь любопытного взгляда Наташи, ведунья добавила туда соль, сахар, горячую воду из чайника и какой-то порошок с сильным запахом ванили.

— Это что? — спросила Наташа.

— У тебя насморк? Ваниль это.

Ведунья протянула ей пузырек:

— Держи.

— И все?

— Все. Напоишь мужа. Сумеешь? Можно в чай вылить, можно в водку — но это нежелательно.

— А где тут... волшебство?